

В. В. Попов, И. А. Мингес

ДВЕ СТОРОНЫ НОРМАТИВНОСТИ ПРАВА: РЕШЕНИЕ В СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Нормативность в правовой сфере принято рассматривать главным образом в двух аспектах, которые иногда называют «правовой нормативностью» и «нормативностью права». Эти аспекты есть нормативность как общий характер предписания и нормативность как тенденция или даже закономерность. Анализ возможности взаимной связи и взаимной выводимости нормативности через сведение их к информации ведет к двум проблемам. Первая — это «принципа Юма», не допускающий выводимости долженствований из описаний. Вторая — это неприменимость «старого модализма» Г. Лейбница в юридических исследованиях. В силу указанных обстоятельств представляется логически некорректным говорить в семантическом аспекте о связи или взаимной выводимости нормативности как предписания общего характера и нормативности как характеристики массовости поведения в социальной системе. Анализ структуры этих понятий делает очевидным то, что совершенно различны и их смысл, и их значение. Таким образом, неверно утверждать, что одно из этих понятий шире или уже другого и говорить о «различных аспектах» одного явления (нормы). У понятия «норма» в двух вариантах его определения общим является лишь само имя (знак) — «норма». Подобное явление иногда встречается в естественных языках и носит название омонимии.

Ключевые слова: норма права, нормативность права, правовая нормативность, правовое предписание, аспекты нормативности.

V. V. Popov, I. A. Minges

TWO ASPECTS OF THE NORMALITY OF LAW: A SOLUTION IN THE SEMANTIC ASPECT

Normativity in legal sphere is considered mainly in two aspects, which are sometimes called "legal normativity" and "normativity of law". These aspects are normativity as a General nature of prescription and normativity as a trend or even a regularity. Analysis of the possibility of mutual communication and mutual deducibility of normativity through reducing them to information leads to two problems. The first one is the "principle of Hume" who does not allow to deduce prescriptions from descriptions. The second one is an inapplicability of the Leibniz's old Modalism in legal studies. Because of these circumstances, it seems logically incorrect to speak in semantic aspect about mutual relation or mutual deducibility of normativity as a general requirement and normativity as a characteristic of mass behavior in the social system. The analysis of the structure of these concepts makes it obvious that both the sense and the meaning of these concepts are completely different. Thus, it is wrong to say that one of these concepts is wider or narrower than the other. It is not correct to say of "different aspects" of one phenomenon (norm). The concept of "norm" in two versions of its definition has as common only the name (sign) — "norm". This phenomenon is sometimes found in natural languages and is called homonymy.

Key words: norm of law, normativity of law, legal normativity, legal prescription, aspects of normativity.

Проблематика нормативности права и правовых явлений в той или иной мере рассматривалась в работах Е. Г. Александрова, С. С. Алексеева, В. К. Бабаева, Е. С. Барабашевой, Ю. В. Блохина, В. В. Борисова, М. И. Вайтина, А. В. Венгерова, М. Л. Давыдовой, В. Е. Кудрявцева, Ю. В. Кудрявцева, Э. Г. Липатова, Е. А. Лукашевой, А. Б. Мицкевича, А. Ф. Шебанова и др. Анализ содержания трудов названных авторов

позволяет сделать вывод о том, что нормативность рассматривается главным образом в двух аспектах, которые иногда называют «правовой нормативностью» и «нормативностью права» [1, с. 20]. В первом аспекте (так называемая «нормативность права») предмет юридических исследований природы нормативных предписаний теснейшим образом совпадает с более общим предметом логико-философских

исследований. В данном случае речь фактически идет о технико-юридических особенностях формулирования предписаний именно общего характера. К таким особенностям принято относить индивидуальную неопределенность адресата, многократность реализации, сохранение действительности независимо от реализации. Все они призваны отграничить правовые нормы от индивидуальных правовых предписаний, прежде всего от актов применения права (хотя подобные акты было бы правильнее называть индивидуализирующими). Названные отличия считаются, по сути, правовой догмой (по крайней мере, в отечественной юридической науке), что подчеркивает их важность. В связи с этим нужно отметить, что в исследованиях более общего характера (особенно в логических) подобным различием пренебрегают, не считая его существенным для семантического аспекта анализа преобразований нормативных выражений. Это может показаться странным, поскольку юридические исследования в данной сфере ничего не добавляют к логико-философским в семантическом плане, поэтому не дают оснований для существенного отличия в семантическом аспекте общих предписаний (норм) от индивидуальных. Более того, в юридической науке нередко случаи пренебрежения достижениями логических исследований норм.

Справедливости ради следует заметить, что ряд ученых-юристов широко используют отмеченную особенность логических исследований норм. Здесь уместно вспомнить, например, Г. Кельзена, который называл акты применения права индивидуальными нормами права [2, с. 230—231, 233—235], фактически нивелируя столь подчеркиваемое многими отечественными учеными-юристами различие между общими и индивидуальными предписаниями.

Исследования нормативности в рамках второго аспекта (так называемая «правовая нормативность») приобретают несколько иной вид: нормативность рассматривается как объективная необходимость, закономерность, закон развития социальной жизни [1, с. 1—2], общее свойство правовых явлений [1, с. 2]. Хотя при этом родовыми универсальными признаками нормативности называют «направленность на регулирование вида общественных отношений, постоянный характер действия и неперсонифицированность адресата» [3, с. 6], все же ключом к различению названных аспектов является утверждение о том, что нормативность «не производна от совокупности правовых норм» [4, с. 101].

Полагаем, что подобная мысль основана на более общей идее, имеющей серьезнейшее методологическое значение. В формулировке, например, В. Д. Плахова она звучит следующим образом: «Характерной чертой социальных норм, правил является то, что они строятся из общественных отношений» [5, с. 15].

Говоря о механизме формирования норм самой социальной жизнью, В. Д. Плахов отмечает, что «отражение объективных закономерностей общественных отношений, имманентных мер осуществляется в нормообразе» [5, с. 15]. Соответственно, эти закономерности выражаются в социальной норме, которая является идеальным образом, «сформировавшимся в результате субъективной фиксации закономерных проявлений общественных отношений» [5, с. 16]. Здесь нужно рассмотреть вопрос о том, насколько вообще правильно говорить о производности двух указанных видов нормативности друг от друга. Для этого представляется правильным проанализировать характер связи данных явлений и вариантов понимания нормативности в семантическом аспекте. Приведем позицию академика В. Н. Кудрявцева, исследовавшего природу правового поведения: «... в философской и естественной научной литературе под нормой понимается не только общее правило, но и реально существующий тип массовидного процесса, то, что уже сложилось и давно бытует в действительности» [6, с. 17]. Более того, В. Н. Кудрявцев полагает, что именно так (и правило, и тип массовидного процесса) можно понимать социальную норму «в широком смысле слова». Отсюда становится очевидным, что признание данного утверждения истинным позволит включать все признаки содержания понятия «норма» в его «широком смысле» (норма как тип массовидного процесса) в содержание понятия «норма» в его «узком смысле» (норма как правило поведения общего характера). Таким образом, необходимо установить допустимость сопоставления признаков содержания указанных понятий, их схожесть и возможность включения одних в другие. Здесь нужно принять во внимание следующее обстоятельство. Говоря о норме как о типе массовидного процесса, как о том, что сложилось в действительности, саму эту норму необходимо понимать лишь как некую информацию. Иными словами, норма не сами действия или явления, имеющие определенную схожесть, нечто общее между собой, а информация об этих явлениях, точнее, информация о чем-то общем, типичном для этих

явлений. Понимать норму в «широком смысле» нужно именно так по следующим причинам:

1) фраза «тип массовидного процесса» логически предполагает это;

2) представляется некорректным даже сравнивать явления, онтологический статус которых совершенно различен, т. е. явления мира материального, физического (определенные виды деятельности людей, физические или химические процессы и т. д.) и явления мира нефизического, нематериального (информация). Между тем вне контекста сравнения неверно говорить ни о «широком», ни об «узком» смыслах (или понимании) нормы.

Таким образом, было бы правильно сравнивать сопоставимые объекты — информацию одного вида (нормы как правила поведения) с информацией другого вида (нормы как описание того, что служит чем-то общим для разных явлений, неких закономерностей в явлениях, процессах, например, деятельности людей и т. д.).

При сравнении указанных видов информации (в форме высказываний) заметим, что, например, в «Теории языка» К. Бюллера [7] изъяснение, побуждение и репрезентация названы функциями естественного (человеческого) языка. При этом каждое языковое выражение может одновременно выполнять все три функции. Различие же между тремя употреблением языка определяется тем, какая из указанных функций является доминирующей [8, с. 12].

Если рассматривать языковую функцию воздействия, которая имеет и другие наименования: эвокативная (А. А. Ивин, А. Л. Никифоров) регулятивная (Н. Б. Мечковская и др.), волитивная (А. А. Сусов и др.), конативная (Р. Якобсон), апеллятивная (К. Бюллер) — то можно заметить, что ее разновидностью является прескриптивная (предписывающая) функция, выражающаяся в правовых либо любых иных социальных нормах(-предписаниях).

Исходя из изложенного можно заметить, что в информационном аспекте одним из вариантов характеристики нормы является ее отнесение к информации прескриптивного (предписывающего) характера. Если рассматривать такую информацию в форме высказываний, то мы получим определение понятия через правило поведения. Соответственно, в том же информационном аспекте другим вариантом характеристики нормы служит ее отнесение к некоей информации о массовидном явлении. Речь в данном случае идет об информации дескриптивного (описательного) характера, отражение которой — информативная функция языка. Информация такого характера есть некое суждение,

описывающее некоторое положение вещей, или дескриптивное высказывание. Его главной функцией является описание действительности в субъектно-предикатной форме — S есть p (S не есть p), причем данное высказывание может быть либо истинным, либо ложным. Допустимо ли в таком случае говорить о связи (в аспекте логической выводимости) норм-предписаний с нормами-описаниями (массовидных процессов)? Нет, в силу действия так называемого «принципа Юма», согласно которому невозможно с помощью одной логики перейти от утверждений со связкой «есть» (описательные утверждения) к утверждениям со связкой «должен» (предписывающие утверждения). Работоспособность данного принципа была хорошо продемонстрирована И. Кантом и А. Пуанкаре, на что авторы более обстоятельно указывали в иных публикациях [9]. Если же норму во втором варианте понимать не как описание массовидного процесса, а указание на закономерность (в терминах необходимости), то также недопустимо говорить о связи (в аспекте логической выводимости) норм-предписаний с нормами в алетической интерпретации (закономерностей-необходимостей). Иными словами, неприемлемо выводить предписания (обязанности, запреты, разрешения) из возможностей, необходимостей, случайностей, равно как и наоборот, поскольку так называемый «старый модализм» Г. Лейбница (транзитивность деонтических и алетических модальностей) был ограничен (самим же Г. Лейбницем, что относится к малоизвестному факту) посредством константы «*vir bonus*» (нравственно идеального или просто доброго человека). Фактически введением этой константы решался вопрос о некоей предопределенности статистически приемлемой однозначности отклика сознания (этого нравственно безупречного человека) на конкретное информационное воздействие (социальной нормы-предписания). Соответственно, можно было вести речь о предопределенности поведения самим фактом наличия нормы-предписания. Однако такой подход не вполне приемлем, поскольку:

1) можно выказать уверенность, что подобные допущения (все люди нравственно идеальны или даже просто добры) не позволят произвести адекватную теоретическую реконструкцию реальных социальных процессов, на что авторы более подробно указывали в иных публикациях [10];

2) даже если говорить о предопределенности поведения информацией вне конкретного «диктата нравственных идеалов», то мера сочетания детерминированного и случайного в откликах

человеческого сознания и, соответственно, поведения на определенную информацию (норму-предписание) позволяет отличать, например, инстинктивную реакцию от осознанной. Следовательно, повышение меры случайного в таких откликах сознания можно воспринимать как проявление интеллекта, что исключает предопределенность единственного варианта отклика на информационное воздействие. Вместе с тем важно отметить, что особенности естественного языка (в котором и формулируются нормативные предложения) требуют учитывать несколько моментов.

Во-первых, под нормами в логике норм понимаются все предложения, которые выражают, что что-либо должно быть сделано независимо от того, выражают ли они это категорическим образом или как предложение, рекомендацию, пожелание, призыв и т. д. [11, с. 178]. Соответственно, сами нормативные операторы могут иметь форму различных языковых выражений: «может», «допускается», «должен», «не допускается» и т. д.

Во-вторых, не всегда нормативное содержание проявляется эксплицитно с помощью операторов нормативности. Часто языковая форма предложения не соответствует его нормативному содержанию, в связи с чем характер содержания устанавливается исходя из контекста употребления предложения. Например, в ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации зафиксирована следующая информация: «Убийство, т. е. умышленное причинение смерти другому человеку, — наказывается лишением свободы...». Данная информация (формально) имеет вид некоего описания, т. е. ее допустимо рассматривать (если рассматривать как данность, изолировано от любого контекста) как описательное утверждение (дескриптивное высказывание). Иными словами, возможна дескриптивная интерпретация данной информации: «известно, что лицо, совершившее убийство (ибо речь идет о наказании лица, а не его деяния, т. е. деяние нельзя наказать, лишит свободы и т. д.), наказывается лишением свободы». Однако контекстуальная интерпретация указанной информации (в рамках нормативного правового акта — Уголовного кодекса Российской Федерации) предполагает иной подход, а именно прескриптивную интерпретацию: «лицо, совершившее убийство должно быть наказано лишением свободы...». Поскольку любое правило поведения логически предполагает наличие конкретного адресата, то более точная

интерпретация, корректное определение адресата позволяют дать следующую прескриптивную интерпретацию рассматриваемого высказывания: «соответствующие государственные органы обязаны применить указанные в настоящей норме вид и меру наказания к лицу, совершившему убийство», о чем авторы более подробно писали в иных публикациях [12; 13]. Таким образом, из данной оговорки следует, что не всякая информация (в форме высказываний), которая выглядит как норма(-предписание), будет являться такой нормой, и не всякое высказывание, выглядящее как описание, будет таковым, но может являться именно нормой(-предписанием).

В-третьих, необходимо различать деонтические и технические долженствования или долженствования практической необходимости (их называют также гипотетическими [14, с. 324] или целевыми [8, с. 174] нормами). Общая форма такой гипотетической нормы следующая: «если вы хотите быть физически сильным, вы должны много тренироваться». Кроме того, гипотетические нормы могут выражаться предложениями не только с «если, то», но и с «потому что» и «так как». Данные технические «долженствования» называют нормами условно, подчеркивая, что «техническое долженствование не является подлинно нормативным понятием» [14, с. 324].

Таким образом, поскольку так называемые гипотетические нормы могут быть сформулированы в терминах необходимости, важно учитывать, что из этого не следует логической связи между необходимостью и нормой-предписанием (неприменимость «старого модализма»).

В-четвертых, часто вид нормативных высказываний имеют описательные высказывания, например, описание с помощью слова «должен» каузальных (причинных) связей, например, «если металл нагреть, то он должен расширяться». Из этой оговорки следует, что описание необходимости через долженствование не относится к нормам(-предписаниям) и не является основой для утверждения о связи необходимости с предписанием (неприменимость «старого модализма» в случае высказывания о положении вещей, т. е. высказывания *de re*, либо применимость принципа Юма в случае высказывания о высказывании — высказывания *de dicto*).

В-пятых, часто вид нормативных высказываний имеют вероятностные характеристики описываемого положения вещей, например, вероятности того, что некоторое событие

произошло или произойдет: «он должен был приехать вчера», «завтра должен быть дождь», «он должен приехать завтра» и т. д. Отсюда — описание положения вещей через вероятностные характеристики, сделанное в форме нормативных (предписывающих) высказываний, не является основанием для утверждения о наличии логико-семантической выводимости предписаний и описаний вероятностных процессов (принцип Юма).

Не будем также забывать о том, что некоторые вероятности в гуманитарных науках нередко именуются закономерностями. Сами же закономерности принято описывать в терминах необходимости. Но сведение проблемы к этому выше уже рассматривалось: связь (и выводимость) не может появиться при соотнесении предписаний и необходимости (неприменимость «старого модализма»). Речь идет лишь об общности языковой формы, что характеризует часто встречающуюся некорректность обыденного словоупотребления со строго научной точки зрения (нарушение принципа однозначности именования).

Таким образом, видно, что понятие нормы как правила поведения и понятие нормы как описания массовидного процесса совершенно различны. Иными словами, анализ их структуры делает очевидным то, что разнятся их смысл и значение (объем). В силу указанного обстоятельства в семантическом аспекте представляется логически некорректным говорить о том, что одно из этих понятий является «шире» или «уже» другого (они просто не сопоставимы), или говорить о «различных аспектах» одного явления (нормы). У данных понятий (норма в двух вариантах ее определения) общим является лишь само имя (знак) — «норма». Подобное явление иногда встречается в естественных языках и носит название омонимии. Вместе с тем сложно не поставить вопроса о предпосылках более или менее явного и осознанного игнорирования отмеченной омонимии через попытку рассуждения о нескольких аспектах (узости, широте смысла и т. п.) нормативности.

1. Липатов Э. Г. Нормативность правовых явлений автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратов. гос. академия права, 1996. 26 с.
2. Kelsen H. Pure Theory of Law. Berkeley and Los Angeles, 1967. 356 p.
3. Блохин Ю. В. Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве: на примере нетипичных предписаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 26 с.
4. Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание как начальный уровень правовой нормативности // Конфликтология. 2011. № 4. С. 100—108.
5. Плахов В. Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. М.: Мысль, 1985. 255 с.
6. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. 287 с.
7. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка / пер. с нем., общ. ред. Т. В. Булыгиной. 2-е изд. М.: Прогресс, 2001. 502 с.
8. Ивин А. А. Основания логики оценок М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 230 с.
9. Попов В. В. Проблемы теории прав человека: информационная природа прав человека // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1. С. 14—20.
10. Попов В. В. О связи прав человека со свободой: некоторые логические проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 2 (29). С. 9—16.
11. Герлох А., Кнапп В. Логика в правовом сознании / под ред. А. Б. Венгерова. М.: Прогресс, 1987.
12. Попов В. В. К вопросу о структуре правовой нормы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 1. С. 10—15.
13. Попов В. В. Санкция правовой нормы: миф или реальность? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 2. С. 154—158.
14. Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: избранные труды. М.: Прогресс, 1986. 600 с.

© Попов В. В., Мингес И. А., 2018

1. Lipatov E. G. Normative character of legal phenomena: autoabstract of the dissertation on competition of a scientific degree of candidate of legal sciences. Saratov: Saratov state academy of law, 1996. 26 p.
2. Kelsen H. Pure Theory of Law. Berkeley and Los Angeles, 1967. 356 p.
3. Blokhin Yu. V. Criteria for the distinction between regulatory and legal requirements from non-normative in the Soviet legislation : on the example of atypical requirements: autoabstract of the dissertation on competition of a scientific degree of candidate of legal sciences. Moscow, 1991. 26 p.
4. Davydova M. L. Legal normative prescription as a primary level of legal normativity // Konfliktologiya. 2011. No 4. P. 100—108.
5. Plakhov V. D. Social norms. Philosophical foundations of the General theory M.: Mysl', 1985. 255 p.
6. Kudryavtsev V. N. Legal behavior: norm and pathology. M.: Nauka, 1982. 287 p.
7. Bühler, K. Theory of language: the Representational function of language: M.: Progress, 2001. 502 p.
8. Ivin A. A. Foundation of logic evaluations. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1970. 230 p.
9. Popov V. V. Problems of the human rights theory: the information nature of human rights // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2014. No 2. P. 14—20.
10. Popov V. V. Human rights and freedom: some logical problems Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2014. No 2. P. 9—16.
11. Herrloh A., Knapp, V. Logic in legal consciousness / ed. by A. B. Vengerov. Moscow: Progress, 1987.
12. Popov V. V. Discussing the structure of the legal rule // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2016. No 1. P. 10—15.
13. Popov V. V. Sanctions of legal rules: a myth or reality? // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2016. No 2. P. 154—158.
14. Wright, G. X. von Logical and philosophical research: Selected works. Moscow: Progress, 1986. 600 p.

© Popov V. V., Minges I. A., 2018